Во всём была виновата проклятая верёвка, которую Цзи Пинъань опрометчиво обвязал вокруг талии. Стоило гружёной тачке перевернуться, как привязь натянулась струной. Разве мог человек совладать с увлёкшей его за собой лавиной из сырых брёвен весом в несколько сотен цзиней? Не успев даже сообразить, что происходит, юноша полетел следом за тяжёлой деревянной махиной прямо в ледяную воду.

Единственным спасением — как ни парадоксально — оказалась сокрушительная сила коварного удара. Вспышка духовного света была столь мощной, что тачку отшвырнуло далеко в сторону. Если бы она покатилась по склону вместе с Цзи Пинъанем, сминая его под собой, он в лучшем случае остался бы калекой.

Впрочем, и в самом падении в озёрную глубь приятного было мало. Увлечённая неумолимой силой инерции, тяжёлая тачка не осталась на поверхности, а камнем пошла ко дну, безжалостно увлекая Цзи Пинъаня в тёмную бездну.

Остатки разума кричали о спасении. Цзи Пинъань отчаянно заскрёб пальцами по узлу на поясе, пытаясь высвободиться, но под водой, в ледяной кромешной тьме, верёвка намокла и затянулась намертво. Паника, липкая и удушающая, накрыла его с головой. Его привычное самообладание разбилось вдребезги — особенно когда при падении он не успел закрыть рот и глубоко вдохнул озёрную жижу.

Захлёбываться — это страшная мука. На берегу попавшую в дыхательные пути воду можно откашлять, но каково это — кашлять на глубине? Безусловный рефлекс, требующий очистить лёгкие, здесь превращается в безжалостного палача. Вместо спасительного глотка воздуха судорожный вдох лишь глубже загоняет смерть внутрь.

Человек бессилен перед инстинктами самосохранения и мощью стихии. Пинъань не мог сдержать раздирающий грудь кашель. Стоило ему приоткрыть рот, как вода хлынула внутрь нескончаемым, тяжёлым потоком, мгновенно заполняя лёгкие.

Силы стремительно таяли, дышать стало нечем. Из-за удушья тело свела крупная, не поддающаяся контролю дрожь.

Вокруг него с тихим шипением поднимались мириады серебристых пузырьков воздуха, в которых сиротливо колыхались пряди тёмных волос.

«Похоже, сегодня я останусь здесь навсегда…»

Когда-то он размышлял о смерти. Ему хотелось верить, что он встретит её глубоким стариком, мирно угаснув в собственной постели. Допускал он и нелепые несчастные случаи, коих немало подстерегает человека на веку, но утонуть… О таком исходе он никогда не думал. Ведь плавал он, вообще-то, очень даже недурно.

Тяжёлая деревянная тачка наконец прекратила стремительное падение. Насытившись водой,

она зависла в толще озера и даже начала медленно, плавно всплывать. Но у Цзи Пинъаня уже не осталось сил, чтобы последовать за ней. Окоченевшие конечности отказывались повиноваться, а сознание медленно угасало, ускользая во тьму.

Мир перед глазами подёрнулся мутной пеленой. И в это последнее мгновение угасающей жизни Пинъань почему-то задался на удивление прозаичным вопросом:

«Отыщет ли кто-нибудь его тело?»

Глухое, безлюдное место. Дикий озёрный край. Сюда лишь изредка, раз в сезон, забредали охотники. В остальное время — ни единой души.

Сначала он опустится на дно. Но намокшая деревянная повозка, намертво привязанная к его поясу, рано или поздно потянет его наверх, заставив безжизненной куклой покачиваться под гладью воды. Озёрные рыбы быстро обглодают плоть, и совсем скоро от него не останется ничего, кроме белеющих костей.

А когда прогнившее дерево окончательно напитается влагой и разрушится, останки канут обратно во тьму — чтобы навсегда упокоиться в вязком придонном иле.

Какая жалкая, нелепая смерть. Цзи Пинъань из Залива Чистой Воды, чьё имя сулило покой и безопасность, уходил из этого мира в муках, лишившись всякого покоя. Он умирал в глухом, безлюдном углу, став жертвой собственной беспечности.

«Как же глупо… — тоскливо шептал угасающий разум. — Я ведь даже не успел проститься с этим миром. Не успел сказать своему единственному другу, как сильно им дорожу…»

— Пинъань!..

Чей-то отчаянный крик донёсся словно из другого мира, глухо и невнятно пробившись сквозь толщу ледяной воды.

Наверху зыбко качнулись солнечные блики — зеркальную гладь озера что-то с силой рассекло. Пинъань из последних сил поднял тяжелеющие веки. В темнеющей вышине стремительно приближался смутный силуэт.

«Спаси…»

Животный страх смерти заставил его сделать последнее угасающее усилие и вытянуть онемевшую руку навстречу неверной тени. И прежде чем мир окончательно погрузился во мрак, в этой ледяной черноте вспыхнули два пронзительно-синих, лазурных глаза.

Когда золотая вспышка духовной энергии опрокинула повозку, Сяобай мгновенно всё понял. Не зря Пинъань тревожился и твердил, что за ними следят. Сам же кот, ослеплённый самоуверенностью, даже не почуял присутствия столь сильного демонического совершенствующегося под самым своим носом!

Всё из-за проклятых ран, лишивших его прежнего могущества. Только поэтому паршивец Лэн Чантянь сумел застать его врасплох!

Маскировка пернатых тварей действительно была безупречной. Будь Сяобай на пике своих сил, этот фокус Лэн Чантяня ни за что бы не сработал, но сейчас малейшая оплошность обернулась катастрофой.

Именно так: наглым налётчиком, швырнувшим тачку в озеро и похитившим узелок с вещами, был его давний заклятый враг. Лэн Чантянь принял свой истинный облик, стремительно нанёс удар и теперь, закинув добычу за спину, позорно уносил ноги в сторону дремучей чащи.

Глядя вслед улепетывающему противнику, белый кот интуитивно уловил нечто странное. Предчувствие не обмануло: в их недавней яростной схватке Лэн Чантянь пострадал гораздо сильнее. Движения пернатого были скованными и неровными.

Судьба преподносила уникальный, редчайший шанс раз и навсегда прикончить извечного соперника.

Раньше Сяобай не раздумывая бросился бы в погоню, чтобы стереть эту мразь с лица земли. Но сейчас ему было плевать на Лэн Чантяня. Пинъань уходил на дно!

С трудом удержав равновесие на берегу, кот в панике уставился на бурлящую озёрную гладь. Сила удара этого пернатого ублюдка оказалась слишком велика — повозку вместе с человеком отбросило далеко от берега.

Заметив стремительно поднимающиеся из глубин цепочки воздушных пузырей, Сяобай забыл обо всём на свете. С громким плеском он ринулся в ледяную воду и отчаянно поплыл туда, где только что скрылся Пинъань.

— Пинъань! Пинъань!

Но ответом ему была лишь холодная, безучастная зыбь.

Юноша не всплывал. На воде расходились широкие круги, смывая последние следы трагедии. Ледяная вода мгновенно насквозь пропитала надетую на кота красную стёганую одежку. Сяобай повелевал стихией льда и стужи, но сейчас он чувствовал, как его собственное сердце покрывается изнутри смертоносной изморозью.

Каждое мгновение промедления приближало гибель Пинъаня. Ждать было нельзя. Плевать на последствия, плевать на то, что это затормозит восстановление его меридианов и духовных сил — он обязан вытащить его!

Отбросив любые сомнения, Сяобай задействовал остатки своей запечатанной духовной энергии. Озеро вокруг него вспыхнуло чистейшим серебряным светом. Спустя мгновение над бурлящей водой соткался силуэт высокого мужчины с длинными, струящимися серебряными волосами и пронзительными лазурными глазами.

Насильственное принятие человеческого облика далось с колоссальным трудом — тело пронзила острая боль, а духовные каналы взвыли от перегрузки. Сила, которую он сумел пробудить, составляла едва ли сотую долю от его прежнего величия. Но для того, чтобы нырнуть и спасти одного глупого смертного, этого должно было хватить.

Полуденное солнце не прогревало глубины — вода под его ногами казалась жидким льдом, а внизу простиралась зловещая, беспросветная мгла. Огромные пузыри воздуха, поднимавшиеся со дна, мешали разглядеть хоть что-то. Пинъань до смерти боялся темноты и холода. Мысль о том, что этот хрупкий человек сейчас бьётся в ледяной бездне один на один со своими страхами, заставила Сяобая двигаться ещё быстрее. Он стрелой устремился на глубину.

Спустя бесконечно долгие мгновения Сяобай наконец разглядел безжизненное тело Цзи Пинъаня, зависшее в толще воды. Сквозь мутную озёрную толщу пробивались редкие лучи солнца, тускло освещая его смертельно бледное, с синеватым отливом лицо. Юноша больше не шевелился.

Грудь Сяобая сдавила невиданная ранее, глухая и острая боль — словно само его сердце опутали колючей проволокой и принялись затягивать узел. Возникло пугающее ощущение, будто из его жизни прямо сейчас, навсегда вырывают нечто бесценное. Смертоносный, холодный ужас сковал его разум.

Сделав мощный гребок, он очутился рядом с Пинъанем и сразу же заметил верёвку, обмотанную вокруг его пояса. Та самая снасть, которая должна была облегчить юноше работу, едва не лишила его жизни!

Возможно, Цзи Пинъань из последних сил почувствовал его приближение и потянулся навстречу. Но стоило Сяобаю протянуть руку в ответ, как веки юноши сомкнулись, а пальцы безвольно опали, безжизненно качнувшись в воде.

Зрачки Сяобая сузились до предела. Одним резким взмахом руки он перерубил натянутую верёвку и, крепко перехватив Пинъаня поперек талии, рванулся вверх. Водный купол с оглушительным всплеском рассыпался мириадами брызг — сереброволосый демон взмыл в воздух, бережно сжимая в руках захлебнувшегося человека.

Едва его босые ступни коснулись каменистой прибрежной тропы, Сяобай уложил юношу на землю и прижал ладонь к его груди, направляя мягкие потоки духовной энергии прямо в

лёгкие. Сдавленную грудную клетку Пинъаня затрясло: выталкиваемая чистой силой вода хлынула из его рта. Юноша забился в судорогах, отчаянно и беззвучно хватая воздух ртом, точно выброшенная на сушу рыба.

Спасительный кислород наконец наполнил лёгкие, но сознание к нему так и не вернулось. Намокшие одежды облепили худое тело Пинъаня, делая его вид ещё более жалким и беззащитным.

Торопливо, бережно Сяобай продолжал согревать его меридианы своей духовной силой. Едва уловимый, прерывистый пульс начал выравниваться, а дыхание — становиться глубже. Синева ушла с лица Пинъаня, уступив место мертвенной бледности, а его ледяная кожа понемногу теплела. Только тогда безумный стук сердца самого Сяобая начал утихать.

Раньше, глядя снизу вверх, Сяобай воспринимал Цзи Пинъаня как кого-то очень большого. Руки этого человека были широкими и невероятно тёплыми, а сам кот, свернувшись клубком, легко умещался на одной его ладони.

Теперь же, впервые представ перед ним в человеческом облике, Сяобай разглядывал юношу с высоты своего роста. И это рождало внутри странное, щемящее чувство. Оказалось, что этот смертный, который умудрялся казаться таким надёжным, на самом деле был гораздо ниже его в человеческом обличье. И таким худым, хрупким… В руках он весил не больше охапки сухой соломы.

В эту минуту до демона наконец дошло: Пинъань — всего лишь обычный, уязвимый смертный. Беззащитный, слабый человек, который сейчас лежал на его руках, едва цепляясь за жизнь.

Будь на месте Пинъаня кто-то из его подданных в Мире демонов, Император зверей даже не удостоил бы несчастного презрительным взглядом. Но с этим человеком всё было иначе. В груди Сяобая жалобно и звонко натянулась какая-то невидимая струна.

За тысячи лет своего существования он никогда никого не жалел. Иные жизни проносились перед его взором и угасали, не оставляя следа. Но сейчас его холодная, бесстрастная душа впервые заныла от незнакомой доселе, щемящей нежности. Ему было невыносимо больно смотреть на страдания Пинъаня.

Как же этот юноша справлялся со всем в одиночку до его появления? Каким образом эти тонкие, хрупкие плечи умудрялись нести на себе всю тяжесть забот и невзгод?

Пинъань метался в лихорадке. Его брови то и дело страдальчески сходились у переносицы, а на щеках проступил нездоровый, пугающий румянец.

Мятящиеся мысли заставили Сяобая очнуться. Стряхнув нахлынувшее оцепенение, он понял, что медлить больше нельзя: нужно как можно скорее доставить Пинъаня домой.

Яркая серебристая вспышка сорвалась с озёрного берега и устремилась к небу. Духовный кокон бережно уносил с собой бесчувственного юношу, мокрую тачку и перепуганного до полусмерти пса Хуцзы, который от пережитого страха окончательно потерял пространственную ориентацию.

Сяобай надеялся, что пара часов крепкого сна на тёплой постели вернёт Пинъаня к жизни. Однако стоило им оказаться в доме, как состояние юноши начало стремительно ухудшаться. Жар усиливался с каждым часом, и к наступлению сумерек несчастный уже метался в беспамятстве, бормоча невнятный бред.

Пинъань так горел, что к нему невозможно было прикоснуться, но при этом беднягу колотило от невыносимого озноба. Сяобай без устали вливал в его меридианы тонкие струйки очищающей энергии, пытаясь унять лихорадку, но целебная магия почти не давала облегчения. Против людских болезней демоническое искусство оказывалось бессильным.

Сгорая от беспокойства, Сяобай сидел на низком табурете у изголовья кровати. Его красивое лицо оставалось бесстрастным, но в глубине лазурных глаз застыла немая тревога.

Ему никогда в жизни не приходилось выхаживать больных. Раньше, получая в боях тяжелейшие ранения, он просто забивался в тёмную нору и молча зализывал раны. Этот опыт заботы о ком-то другом был для него первым, и Сяобая мучил изводящий вопрос: всё ли он делает правильно? Что, если он упустил какую-то важную деталь?

Сяобай окинул взглядом комнату. Очаг полыхал так жарко, что пёс Хуцзы предпочёл отползти подальше, устроившись в самом дальнем углу. Сама постель ломилась от обилия одеял: стоило больному в бреду пожаловаться на холод, как кот стащил из сундуков все тёплые вещи, какие только нашлись в доме, и укрыл его толстенным лоскутным пирогом.

«Может, дело в голоде? — внезапно осенило Сяобая. — И правда, за весь день Пинъань съел лишь один скромный рисовый колобок. Конечно, ослабший организм требует пищи!»

Сложные яства коту были не под силу, но он бесчисленное количество раз наблюдал, как Пинъань варит простую рисовую кашу. Это не должно быть слишком трудно.

Но стоило ему подняться с табурета, как полы его длинных одеяний натянулись. Сяобай опустил взгляд и замер: за край его халата судорожно цеплялись тонкие, бледные пальцы.

Цзи Пинъань приоткрыл затуманенные лихорадкой глаза. Взгляд его блуждал, не узнавая обстановку, а по вискам катились крупные слёзы. Не выпуская из побелевших пальцев край его одежды, он жалобно, по-детски прошептал:

— Не уходи… Отец… Пожалуйста, не уходи…

http://bllate.org/book/42365/5437726